

Разговор между Сюэ Цзинанем и Лу Бинчжу закончился мгновенно, но при этом потребил почти столько же энергии батареи, сколько дюжина ударов противника, главным образом из-за колоссальной разницы в их боевой мощи.

Если «убийца» – это идиома, то ее можно проанализировать, чтобы найти ее происхождение, аллюзии и истории, то «Лу Бинчжу» – это классический китайский текст, содержащий бесчисленные идиомы и аллюзии, подобно сжатому файлу.

В этот критический момент, чтобы быстро проанализировать сжатый файл и рассчитать результаты для запуска телесной реакции, процессор Сюэ Цзинаня работал на пределе своих возможностей. Он даже почувствовал, как на мгновение повысилась температура его тела.

Это до предела истощило и без того еле дышащую батарею Сюэ Цзинаня, отчаянно молящую о подзарядке. Его мимолетное сообщение в эфире было лишь поверхностным ответом на откровения Ли Хэчуня; что касается результата... он узнает его позже.

Оставив комментарий, Сюэ Цзинань тут же закрыл прямую трансляцию, небрежно помахал двум людям перед собой и направился прямо к своему портативному зарядному устройству.

Он полностью проигнорировал императора, который внимательно и молча ждал его следующей фразы.

— Эй, погодите, да этот седьмой принц бежит быстрее ветра! — вдруг спохватился Ли Хэчунь, но, обернувшись, увидел лишь стремительно удаляющуюся фигуру Сюэ Цзинаня. Он шумно хлопнул себя по лбу. — Учитель, вы совсем забыли сообщить принцу, что великая вдовствующая императрица назначила господина Цуй первым учителем седьмого принца.

Лу Бинчжу лишь неопределённо промычал, заложил руки за спину, вздернул подбородок к небу и медленно изрёк:

— Что-то память стала подводить. Старость не радость, больше не могу нести бремя, возложенное великой вдовствующей императрицей. Пора возвращать новые таланты.

— Даже старый генерал Лянь По, говорят, ещё способен на подвиги. Учитель, вы что это?.. — Ли Хэчунь мгновенно уловил двусмысленность слов Лу Бинчжу. Он намекал вовсе не на неспособность служить императрице-бабушке, а на... самого императора.

У императора есть императорская гвардия, зорко следящая за порядком, и Фэнъичу, плетущее тайные интриги в тени; в его распоряжении бесчисленное множество глаз и ушей. Зачем ему понадобилось просить Ли Хэчуня лично пригласить Лу Бинчжу на простую проверку боевых искусств и внутренней силы седьмого принца? Император просто не желал, чтобы Лу Бинчжу оставался в уединении дворца Цынин, подобно старому внуку, и искал повод для Ли Хэчуня вступить с ним в контакт и уговорить.

— Годы взяли свое, тело одряхлело, любое усилие дается с трудом. Лучше побережь себя, — учтиво, но твердо отказал Лу Бинчжу.

Ли Хэчунь мысленно вздохнул и благоразумно оставил эту тему. Он демонстративно потянул себя за седые пряди, указал на лицо и с притворной тревогой произнес:

— Учитель, взгляните на меня! Рядом с вами и не разберёшь, кто из нас наставник, а кто ученик.

— Так тебе и надо, что пренебрегаешь боевыми искусствами, — безжалостно усмехнулся Лу Бинчжу и отмахнулся рукой. — Ладно, не мешай. Возвращайся и доложи.

Император, предвидевший оба исхода, лишь едва заметно кивнул, храня молчание. Передача звука прямо в ухо слушателя – вершина мастерства внутренней энергии, доступная лишь немногим избранным. Детский голос, который он услышал, породил в нём множество подозрений в отношении принцев и их покровителей, вступивших в сговор с мастерами боевых искусств с целью посеять смуту.

Правда, узнав о невзгодах, которые Сяо Ци претерпел во дворце за последние два года, он уже не так сильно подозревал его. Однако, поразительное сходство голосов заставило его провести тайную проверку. И, как ни странно, выяснилось, что Сяо Ци владеет лишь базовыми внешними приемами боевых искусств, не имея ни малейшего представления о внутренней энергии.

Род Чжоу угасает, и Сяо Ци может рассчитывать лишь на Чжоу Юйшу. Чжоу Юйшу – человек незаурядного таланта, искушенный как в литературе, так и в военном деле. Если не считать слабого здоровья и несколько эксцентричного характера, у него почти нет недостатков. Если бы не его маниакальное желание вернуться в Дяньчжоу и разводить насекомых, император был бы готов повысить его в звании.

Сяо Ци может полагаться только на Чжоу Юйшу, и то, как Сяо Ци жил последние два года, красноречиво указывало на отсутствие Чжоу Юйшу в столице.

Император уже проверил каждого из своих сыновей. Те, чей голос соответствовал возрасту, не обладали способностью вербовать и командовать мастерами боевых искусств, как, например, Сяо Ци(7) и Сяо Ба(8); в то время как те, кто обладал этой способностью, не совсем соответствовали другим требованиям, как, например, третий сын.

Единственный, кто сочетает в себе способности и более-менее соответствует возрасту, – это Сяо Цзю, но Сяо Цзю ещё нет и шести лет, и он – ребёнок, которого император часто берет с собой и с которым играет. Император знает о Сяо Цзю всё, что нужно, и легко исключил его из списка подозреваемых.

Таким образом, остается лишь две возможности: либо метод совершенствования противника из

разряда запретных, из-за чего он регрессировал в более ранний возраст; либо противник владеет искусством чревовещания и намеренно имитирует детский голос, чтобы запутать его.

Однако, вне зависимости от причины, факт остается фактом: противник скрывается во дворце, неусыпно наблюдая за ним – опасная и дерзкая личность.

Погрязший в этих размышлениях, император получил [Отметился], [Разбрасываю цветы], [Отпечаток лапы] – слова, совершенно не вписывающиеся в его картину мира.

У людей есть один существенный недостаток: они склонны к излишним размышлениям, особенно это свойственно умным людям.

Император, без сомнения, отличался острым умом. Он был совершенно незнаком с этими тремя словами и мог лишь строить догадки об их значении, опираясь на отдельные иероглифы. Он чувствовал, что поспешное появление и столь же стремительное исчезновение человека, оставившего эти шесть знаков, должно иметь какой-то более глубокий смысл.

Император ломал над этим голову, обсуждая важные вопросы с великой вдовствующей императрицей, слушая остроумные перепалки наложниц, сидя в одиночестве за своим столом и изучая отчеты трону... и даже поздней ночью, ворочаясь в постели с закрытыми глазами, он продолжал мысленно перебирать эти шесть загадочных иероглифов.

С рассветом император, проведший большую часть ночи без сна, резко сел в постели, напугав Ли Хэчуня, который на цыпочках прокрался в покои.

— Ваше величество?

— Позвать ко мне Цзян Вэня.

Император проигнорировал вопрос и, облаченный лишь в ярко-желтое исподнее, босиком подошел к столу.

Пока Ли Хэчунь давал указания евнухам, он, как всегда проворный и находчивый, тут же шагнул вперед и ловко приготовил бумагу и чернила.

До начала утреннего собрания двора (в 5 утра) оставалось еще около получаса, но министры должны были собраться у Ворот середины дня* в час Инь (с 3 до 5 часов утра), поэтому евнухи быстро нашли Цзян Вэня.

[Умэнь, главные (южные) ворота Запретного города. Главный вход в императорский дворец.]

Неожиданная просьба императора о конфиденциальной беседе накануне утреннего собрания

двора была явно неординарной. Цзян Вэнь живо вспомнил о покушении, вызвавшем такой переполох накануне, из-за которого пострадали не только два принца, но и были замешаны две наложницы, и его невольно пробрала дрожь.

Когда он ворвался во дворец Цяньюань, император только закончил писать каллиграфическим почерком и, не дав чернилам высохнуть, приказал Ли Хэчуню повесить свиток на стропила.

Хотя Ли Хэчунь не понимал, почему император так рано поднялся, чтобы написать это, он чувствовал, что тот придаёт этому какое-то особое значение. Он лично принёс длинный шест и водрузил каллиграфическое письмо под потолок. Затем, обернувшись, заметил, как молодой евнух проскользнул во внутренние покои и вышел оттуда, неся на вешалке мантию, расшитую золотыми драконами.

— Ваше величество, сегодня прохладно. Пожалуйста, поберегите здоровье, — с тревогой произнёс молодой евнух, шагнув вперёд, чтобы помочь императору одеться.

Выражение лица Ли Хэчуна слегка помрачнело. Всегда раздеванием и облачением императора занимался только он. Дело было не в том, что Ли Хэчунь был властолюбив, а в том, что у императора было очень тонкое обоняние. Многие евнухи, из-за особенностей своей физиологии, источали неприятный запах мочи, особенно молодые, ещё не привыкшие к своему новому положению.

Ли Хэчунь тщательно отбирал евнухов, поступавших во дворец Цяньюань, лично готовил для них ежедневные мешочки с лекарственными травами. Тем не менее, император не любил, когда к его одежде прикасались посторонние руки.

Как раз в тот момент, когда Ли Хэчунь собирался отчитать наглого молодого евнуха, император бросил долгий, пронизательный взгляд на евнуха по имени Сяо Сяцзы, поднял руку, останавливая Ли Хэчуна, и, прошёл за ширму, раскрывая руки.

Сяо Сяцзы последовал за ним, вне себя от радости.

— Что вы тут стоите столбом? Его величеству нужно помочь раздеться, — Ли Хэчунь щёлкнул венчиком в сторону застывшего евнуха, и он словно проснулся от глубокого сна.

Лицо Ли Хэчуна расплылось в подобострастной улыбке; никто не мог догадаться, что скрывается за этим выражением.

В этот момент прибыл Цзян Вэнь. Обстановка во дворце Цяньюань показалась ему на удивление спокойной, даже умиротворяющей. Он тут же расслабился, понимая, что даже если что-то и произошло, то ничего из ряда вон выходящего.

Он терпеливо дождался, пока император, полностью одетый, выйдет из-за ширмы. К его

изумлению, следом за ним шёл молодой евнух, а рядом стоял все так же улыбающийся Ли Хэчунь.

Цзян Вэнь на мгновение запнулся, прежде чем подойти и выразить должное почтение. Император отмахнулся от него рукой, указывая на свиток, висящий под потолком.

— Господин Цзян, вчера кто-то оставил мне эти шесть иероглифов. Как думаете, что они могут означать?

Цзян Вэнь поднял глаза и увидел шесть иероглифов: «□□ (да ка), □□ (са хуа), □□ (ань чжуа)», написанных резким и чётким почерком на тонкой бумаге Сюань, украшенной золотой фольгой.

— Это... — Цзян Вэнь был совершенно озадачен. Но он рассудил, что у императора должна быть причина показывать ему эти письма. Не желая признавать своё невежество, он решил вовлечь в это своего коллегу. — Ваше величество, насколько я помню, министр Чу хорошо разбирается в шифрах и кодах. — Дело о торговле людьми было раскрыто благодаря тому, что Чу Вэньцин расшифровал код, использованный для уведомлений о сделках, что позволило обнаружить их тайное убежище и привлечь всех причастных к ответу.

Итак, спустя какое-то время Чу Вэньцин, словно окаменевший, взирал на каллиграфические письма перед собой - и на возмутительное требование императора. Он погрузился в долгое молчание.

— ...Раскрыть дело удалось лишь благодаря книге с шифрами, которую использовали преступники. Эти шесть же иероглифов в моих глазах не имеют никакой связи, - я бы ломал над ними голову до скончания дней, но так и не смог бы расшифровать!

Цзян Вэнь подмигнул: Ничего страшного, если вы не можете решить проблему самостоятельно, просто позовите больше людей! Пока достаточно людей, которые не знают, как это сделать, проблема будет не в вас, а в самом деле.

Вняв намеку, Чу Вэньцин помедлил мгновение, а затем, решив, что пусть лучше друг послужит жертвой, чем он сам, вызвал глав двух других ведомств трех судебных учреждений: а именно начальника палаты по уголовным делам и двух цензоров из Цензората.

Собравшись вместе, они обменялись ничего не значащими фразами, а затем призвали министров остальных шести министерств...

И вот, перед каллиграфией толпилась группа высокопоставленных сановников в багровых одеждах; их лица были сосредоточенны и серьезны, как будто они пытались постичь тайну мироздания.

С тех пор как Сюэ Цзинань подписался на канал Хэлянь Чэна, посвященный фитнесу, он стал исправно приучать себя к ранним подъемам и утренним тренировкам. А когда узнал о щедрой раздаче денег, это превратилось в ежедневный ритуал.

Военное жалование Сюэ Цзинань должен был получить только в конце месяца, но, несмотря на это, он уже обзавелся комплектом плетеных доспехов, копьем, миниатюрным арбалетом и даже птичьим свистком...

Нельзя сказать, что Сюэ Цзинань испытывал восторг от ранних подъемов, но приманка в виде зарплаты оказалась слишком сильна, и он, не успев опомниться, втянулся в тренировки.

Однако сегодня утром, в разгар тренировки, Сюэ Цзинань воспользовался функцией разделения экрана, чтобы одновременно следить и за фитнес-приложением, и за прямой трансляцией. Он намеревался наблюдать за утренним собранием двора.

Вчерашнее покушение наделало столько шума; сегодняшнее заседание наверняка будет бурным, и эту возможность нельзя было упустить, чтобы собрать полезную информацию. Сюэ Цзинань живо интересовался операцией, направленной против него.

Однако когда он открыл программу для прямых трансляций и обновил страницу, перед ним появился ряд комнат трансляций с необычными ракурсами на обложках; такой стиль, похожий на папарацци, трудно забыть, если увидишь хотя бы раз.

Взглянув внимательнее, Сюэ Цзинань убедился: так и есть, это были прямые трансляции от агентов Фэнъичу. Впервые он видел их трансляции среди бела дня.

Дело было не только в том, что обычно агенты работали по ночам; у каждого из них была своя дневная личина, которую необходимо было поддерживать. Кто-то жил обычной семейной жизнью, кто-то работал под прикрытием. Чтобы не раскрыть себя, они никогда не делились информацией в светлое время суток, если только в этом не было крайней необходимости.

И вот впервые Сюэ Цзинань стал свидетелем столь масштабной акции, развернувшейся среди бела дня. Ему даже не нужно было запускать трансляции: достаточно было взглянуть на детали на обложках, чтобы понять – все эти люди собрались в одном и том же месте.

Красные стены, золотистая глазурованная черепица, украшения на потолке, напоминающие девятерых сыновей дракона... Сюэ Цзинань безошибочно узнал дворец императора Цяньюань, резиденцию начальника агентов.

Отбросив версию о корпоративном мероприятии по укреплению командного духа, он перешел к предположению о тщательно спланированной ловушке.

Неужели император наконец-то решил навести порядок в «протекающем» дворце Цяньюань? Но все ли там чисто? У него было предчувствие, что все во дворце, кроме Ли Хэчуня, – шпионы, подосланные другими... Хм, да и Ли Хэчунь сливает информацию по указке императора...

«Это злостная афера...» — подумал Сюэ Цзинань. До чего же хитры люди! Ему захотелось продать каждому придворному чиновнику и наложнице приложение по борьбе с мошенничеством.

Впрочем, Сюэ Цзинань сразу заметил странный эфир среди множества папарацци, снимающих его с разных ракурсов. Он узнал имя автора трансляции: «Дворец Цяньюань, Сяо Сяцзы».

Название его эфира гласило: «Шокирующая правда! Главный евнух Ли Хэчунь рискует навлечь на себя гнев Его величества, чтобы...»

На обложке была изображена группа высокопоставленных чиновников в алых одеждах, склонившихся у каллиграфии, и лишь краешек одеяния главного евнуха виднелся в кадре.

Даже понимая, что это всего лишь оптическая иллюзия, и Ли Хэчунь находится на несколько человек дальше от чиновников, Сюэ Цзинань без колебаний кликнул на трансляцию.

Он не стал бы признаваться, что его вело обыкновенное любопытство; причиной скорее было незавершенное название, будившее его обсессивно-компульсивное расстройство, связанное с программированием.

Но вместо обещанного в названии Ли Хэчуня на экране возникла группа министров, с преувеличенным профессионализмом анализировавших его вчерашний комментарий из шести символов: «Отметился, Разбрасываю цветы, Отпечаток лапы».

Военный министр: «Я считаю, что ключевое слово в первой фразе, „□□“ (dǎkǎ), – это „□“ (kǎ). „□“ немедленно вызывает в памяти пограничные пункты и заставы, что недвусмысленно указывает на проблемы со сбором налогов на наших основных пограничных постах! Необходимо провести тщательное расследование в Министерстве доходов – вот что такое „□□“!»

Министр финансов: «Господин Сюй, даже если меня, Фэна, уволят и отправят в ссылку, отсутствие денег в Министерстве финансов останется отсутствием денег, а расходы Военного министерства все равно придется резать».

Главный левый цензор: «Мне известно происхождение фразы „□□“ (sǎhuā). Это иноязычное выражение. Есть стихотворение времен династии Сун, в котором сказано: „Северная армия требует „□□□“ (sǎhuā yín), правительство вынуждает народ платить“, что означает приношение даров, давать взятки».

Главный правый цензор: «В таком случае „□□“ (ànzhǎo) означает руку. „□□“ означает пресечь эти

руки, погрязшие во взяточничестве».

Толпа придворных зашумела в знак согласия; это не было произнесено вслух, но все взгляды недвусмысленно обратились к министру финансов. Министр финансов молча наблюдал за разворачивающейся перед ним картиной, сжав руки в рукавах, и лишь усмехнулся, бросив всего два слова:

— Денег нет.

Было очевидно, что все просто воспользовались удобной возможностью, чтобы выклянчить деньги у Министерства финансов. В конце концов, именно оно контролировало финансы страны, а министр при этом славился непомерной жадностью. Выбить из него хоть что-то было задачей поистине невыполнимой.

Если бы император заговорил, министр финансов, прикрываясь грандиозным экономическим давлением реформы призыва, прикинулся бы нищим, вцепился бы в свою шапку чиновника, рухнул бы на колени и, задыхаясь, прохрипел: «Все это из-за того, что этот старый министр ни на что не годен; пусть этот старый министр подаст в отставку и вернется в родной город!» - и тогда императору не оставалось бы ничего другого, как уступить.

Сюэ Цзинань тоже прекрасно понимал, что весь этот анализ - чистойшей фикция; истинной целью оставалось вымогательство денег у Министерства финансов. Впрочем, он так и не понял, что же такого примечательного было в этих шести злополучных иероглифах.

□...Что бы ни делало тебя счастливым□

Сюэ Цзинань бесстрастно закрыл прямую трансляцию, настроил автоматическую запись для трансляции «Утренние новости собрания двора Даци», а затем вышел из приложения.

Он и не подозревал, что Сяо Сяцзы, бесстыдно исполнявший обязанности приспешника императора, внезапно вздрогнул, закрыл уши и с ужасом наблюдал за происходящим.

Во дворце Цяньюань действительно есть мастер, способный передавать звуки силой мысли! Слухи не врал! Император действительно содержит грозную армию тайных телохранителей, и даже принцы приготовили двойников в качестве приманки - поистине ужасающе!

Сяо Сяцзы был тайным агентом, имевшим за плечами два года опыта работы во дворце Цяньюань. Когда он получил приказ проверить силу тайной охраны императора, он поначалу счел это дурацкой шуткой. После произошедшего его представление полностью изменилось. У императора не только есть тайная охрана, но и люди с невероятно высоким уровнем боевых искусств.

Он не почувствовал присутствия чужака рядом. Звук был передан настолько точно и

незаметно, что он едва его уловил – неужели... его личность раскрыта?

Сяо Сяцзы осторожно окинул взглядом всех присутствующих, особенно императора, и про себя помотал головой: Нет, невозможно! Я так хорошо прятался; даже император ничего не заметил. Как меня могли раскрыть!

Неужели этот несравненный мастер не полностью подчиняется императору? Именно так! Разве могут гордые мастера добровольно подчиняться этому собачьему императору? Эта фраза: «Что бы ни делало тебя счастливым», должно быть, намекает на то, что я могу быть еще смелее и необузданнее!

В голове Сяо Сяцзы мгновенно возник целый арсенал коварных планов. Однако осуществить их он не успел: прежде чем он успел хоть что-то предпринять, его чуть не поразил удар возмездия.

Было время Мао (5-7 утра). Император привел своих придворных чиновников на утреннее собрание двора, и Ли Хэчунь, как всегда, сопровождал его. Сяо Сяцзы, признаться, обладал достаточной долей самосознания, чтобы понимать, что он не может просто так...

Если бы император просто взял и заменил Ли Хэчуна – это было бы подозрительно, слишком напоминало ловушку.

Императора не было, и дворец Цяньюань был почти пуст. Сяо Сяцзы, сдерживая дрожь, вернулся на свой пост, стараясь не поднимать взгляда к черепичным крышам.

Он слышал лёгкий шорох черепицы. Он знал – это шпионы из Фэнъичу, тени, что плели свои интриги в укромных уголках. Обыденность. Дворец Цяньюань был их гнездом, и они, подобно бабочкам, слетались к императору с докладами и добытыми тайнами. Из-за этих бешеных псов, вечно скрывающихся в тени, даже после двух лет шпионажа ему не удалось добыть сколь-нибудь ценной информации.

Но сегодня... сегодня в воздухе висело странное напряжение. Они осмелели?

Слишком много теней кралось по крышам. Драка? Погоня? Неужели вчерашний побег убийцы всполошил их, сделал более бдительными, заставив улучшить свои навыки ловкости и методы преследования? И... почему дворец Цяньюань казался таким опустевшим? Шаояо, Дунчунь... Сяо Сяцзы начал мысленно перебирать имена тех, кто находился вблизи. Знакомые лица смешивались с чужими, но Дунчунь он узнал бы из тысячи – шпионка из враждебной сети, с которой они обменивались обрывками информации. И был Чжэн Цянь... Чжэн Цянь не принадлежал ни тем, ни другим, он просто брал взятки. Благодаря его связям, они внедрились множество людей в Императорскую гвардию.

В разгар этих мыслей Сяо Сяцзы увидел, как к нему приближается Чжэн Цянь, его лицо искажено нетерпением и подозрением. Голос Чжэн Цяня был хриплым от напряжения:

— Что тебе нужно? Мы же договорились избегать встреч на виду!

— Я не... — слова застряли в горле Сяо Сяцзы. Он понял.

Однако было уже слишком поздно.

Кроваво-красные фигуры появились из-за деревьев, в тени, на балках, на крыше... некоторые сидели на корточках, некоторые стояли, некоторые висели вниз головой, плотно сбившись в кучу, словно образуя море крови, так что сосчитать их всех было невозможно.

Около полудня утреннее собрание двора завершилось и чиновники разошлись. Утомленный император помассировал виски, сидя на своем драконьем троне. Ли Хэчунь вышел вперед, чтобы доложить о битве во дворце Цяньюань: семнадцать шпионов пойманы, несколько уцелели, остальных казнили.

Этот политический зверь, жаждущий контроля, которому претило даже прикосновение чужака к одежде, никогда бы не допустил, чтобы его дворец кишел шпионами. Он намеренно разыграл этот спектакль, заманивая их в ловушку.

— Где Сяо Сяцзы? — прозвучал вопрос императора, нарушая тишину.

— Он сбежал, как вы приказали. Сейчас мы прочесываем дворец и направим его в покои принцев... — Ли Хэчунь запнулся.

Император желал знать, где скрывается вчерашний убийца, но еще больше его занимало, кто из главных наложниц сговорился с убийцей. Все они, словно змеи, хитрые и расчетливые, вряд ли попадутся на простую приманку. Поэтому император забросил приманку в покои принцев.

Наложницы - хитрые тысячелетние лисицы, а принцы еще слишком юны и неопытны, чтобы обладать реальной властью, и неизбежно раскроют свои слабости. В то же время принцы - тоже лишь приманка. Он распространил слух о присутствии убийцы в их покоях и теперь наблюдал, останутся ли наложницы безучастными.

Даже если останутся, это не имеет значения. Приманку принцев можно использовать снова и снова, и всегда найдутся неугомонные люди, жаждущие власти. Одного хода достаточно.

Цепочка смертоносных ловушек уже готова, теперь осталось только дожидаться, когда кто-то попадетсЯ.

Ли Хэчунь знал, каким человеком был император, но даже сейчас в его душе поднималась волна... чего-то, граничащего с ужасом.

Император, словно прочитав его мысли, бросил на него взгляд:

— Ты считаешь меня безжалостным?

Ли Хэчунь склонился еще ниже, его голос звучал осторожно:

— Этот слуга лишь гадает, к кому побежит Сяо Сяцзы.

Император обдумывал множество вариантов, но когда Ли Хэчунь задал этот вопрос, у него возникло странное предчувствие, что Сяо Сяцзы направится именно к Сяо Ци.

Император промолчал, но произнес:

— Смотри не только на то, к кому он пойдет, но и на то, к кому он бежать не станет.

Иногда, чем отчаяннее пытаешься дистанцироваться, тем труднее это сделать.

Сяо Сяцзы действительно искал Сюэ Цзинаня, но не из верности идеалам, а в надежде найти влиятельного покровителя.

Теперь Сяо Сяцзы был окончательно убежден в правдивости легенды о тайных стражах и в своей гениальности. Он верил, что существует некий всемогущий старец, подчиненный императору лишь на словах.

Чтобы найти этого старшего, ему нужна информация о тайной страже, а единственным известным ему тайным стражем был двойник седьмого принца - да, информация о двойнике седьмого принца пришла вместе со сведениями о тайной страже. Говорили, что этот двойник - гений боевых искусств, кровожадный и злобный. При первой же возможности он ранил двух принцев.

Такой бунтарь, как и его старший, должен был внешне повиноваться императору, а в душе... в душе - пылать! Несомненно!

А подлинный седьмой принц, несомненно, спрятан императором, чтобы однажды явиться миру в качестве наследника - это была первая часть информации, что он получил. Все остальное - его собственные гениальные догадки.

«За слухами всегда скрывается истина, — подумал Сяо Сяцзы. — Слухи о том, что император хочет возвести супругу Чжень в ранг императрицы, были так сильны... Значит, тому есть причина».

«Истинная любовь!» — заключил он.

Хотя Сяо Сяцзы был уверен, что «заменяющий седьмой принц» обязательно ему поможет, после недавней неудачи он счел благоразумным не спешить во двор Цифэн, чтобы преподнести Сюэ Цзинаню «сюрприз». Вместо этого он затаился во дворе Люйчжу, наблюдая за происходящим.

Сюэ Цзинань, которого случайный комментарий в прямом эфире вырвал из привычной колеи, в данный момент отсутствовал во дворе Цифэн. Следуя своей извращенной логике, он собрал свои вещи, захватил свой любимый ремонтный инструмент (лотосовый меч) и, принимая во внимание твердость и упругость человеческого черепа, приступил к созданию ручной дрели. Хотя его дрель не работала от сети, он мог отрегулировать настройки так, чтобы довести скорость вращения руки до предела, едва достигая минимальной скорости электрической дрели.

Ему не хватало только сверла, и сверло должно быть металлическим. У него был только его лотосовый меч, и он не хотел жертвовать ни одной его деталью ради четвертого принца.

— Ничего, у четвертого принца есть кухонный нож, который он забыл в прошлый раз. Думаю, он не будет против, если я переплавлю его и сделаю сверло.

— Я обещал четвертому принцу, что навещу его сегодня вечером, но слишком спешил восстановить энергию, так что этот план пришлось отложить.

— Впрочем, ничего страшного. Сегодня я полон сил, так что обязательно включу этот пункт в повестку дня.

Сюэ Цзинань натянул на лицо свою фирменную, безупречную улыбку и уверенным шагом направился к дворцу Ихэ.

— Учебный кабинет был закрыт на три дня из-за вчерашнего покушения. Императорская благородная супруга Мин, как главная управляющая гаремом, взяла на себя ответственность расследовать дело о скрывающемся убийце. К сожалению, вчерашний обыск дворца не принес результатов, поэтому ее внимание переключилось на наложниц.

— Сегодня все наложницы отправились во дворец Юнчунь, чтобы справиться о здоровье, и не вернулись.

Живой и непоседливый четвертый принц был рад, что вчера избежал встречи со своим

ужасным седьмым братом. Даже пересчитывать муравьев на подоконнике казалось не таким уж скучным занятием. Он просто ворчал в сторону резиденций принцев:

— Я так давно не возвращался, почему никто меня не ищет, особенно пятый брат... Неужели он заметил, что меня нет во дворе Сухуэй!

Не успел он договорить, как четвертый принц внезапно вздрогнул. Холод пробежал по спине, заставляя его невольно почесать затылок.

Необъяснимая тревога охватила его, и он поднял глаза, чтобы увидеть Сюэ Цзинаня, восседающего на стене.

Сюэ Цзинань одарил его своей неизменной улыбкой:

— Четвертый брат, я пришел, чтобы починить тебя.

Душа четвертого принца словно покинула тело: О нет, он таки пришел чинить меня.

<http://bllate.org/book/15803/1416671>